

УДК 821.111

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-7

Т.Н. ПОТНИЦЕВА,
доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

«WE MUST LOVE ONE ANOTHER OR DIE...» СЛИЯНИЕ МОЛИТВ (У.Х. ОДЕН – С. МОЭМ – Д. ТОМАС)

У фокусі дослідження – феномен збігу провідницьких роздумів про наслідки війн, людиноненависництва у творчості різноманітних письменників ХХ ст.

Одне з провідницьких суджень було висловлено у поетичних рядках англо-американського поета В.Х. Одена (1907–1973), у його славетному вірші «1 вересня 1939» (September, 1, 1939, надруковане в американському часопису *The New Republic* у жовтні 1939). Вірш було написано під впливом від подій цього першого дня II Світової війни, а насправді, – з приводу будь-якого Апокаліпсису, який загрожує людині і людству.

Сучасний автор статті про цей вірш Одена Йєн Сенса (Jan Sansom) визначить його як «один з найзначущих творів 20 століття», чие довге життя пояснюється тим, що у ньому надані «прості відповіді на складні питання, що не є завжди приємними». Називаючи свою статтю «Придатна поема для непридатного часу» (*The right poem for the wrong time*), її автор цілком слушно підкреслює актуальність думок Одена і сьогодні. Це було зі всією очевидністю продемонстровано у вересні 2001 р., коли після терористичного акту у Нью-Йорку оденовські рядки звучали по національному радіо США.

Глобальність наслідків першого дня передбачають слідом за Оденом не так вже і багато людей. А голос і тих, хто це усвідомлював, ще не розрізняються серед багатьох інших. Таким був голос С. Моема, який опинився у перші дні війни у Франції. С. Моем поділяє патріотизм країни, що зазнала віроломного нападу ворога. Письменник виявився, як слушно зазначає один з сучасних авторів статті про С. Моема, «не стороннім спостерігачем національної трагедії». Але будучи, як відомо з біографії письменника, у якійсь мірі і «громадянином світу», він, рефлектуючи над сутністю того, що трапляється навколо, відкривав інші сторони цієї сутності, часто-густо доходючи до аналогічних оденовським провідницьких висновків.

В історії, про яку йдеться в оповіданні «Нескорена» (*The Unconquered*, 1943), С. Моем, спостерігаючи ганебні картини падіння Франції, наново осмислює пафосні гасла перших днів війни про незламність французів перед ворогом і про їх неминучу перемогу. Створений в оповіданні образ французької дівчини Аннет – своєрідної Жанни Д'Арк чи Свободи на барикадах – викликає суміш почуттів: і повагу до її нескореності ворогу, німецькому солдатату, який згвалтував її, і жах від вчинку – вбивства новонародженої дитини від німця – який є протиприродним для людини, жінки, перш за все. В обох – в Гансі, і в Аннет – війна ініціювала ту ненависть, яка у відсутності любові призводить до знищення іншого і, в кінці кінців, до самознищення. Моем, як здається, підхоплює оденовське *We must love one another or die*. Ця думка впливає з підтексту подій, що зображуються, у боротьбі людиноненависті з людяністю, яку переживають усі.

У співзвучність підтексту оповіді С. Моема і оденовських рядків вливається ще один твір – поема Ділана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Злиття молитв» (*The Conversation of Prayers*) із збірника «На порозі смерті» (*Deaths and Entrances*, 1946), сама назва якого відсилає до онтологічної проблеми «Нескореної» та інших творів С. Моема воєнних часів.

Ключова біблійна алюзія у вірші Д. Томаса – це алюзія на історію Самсона, який покохав філістимлянку, але перебуває у жорстокій боротьбі з її народом. Ця жорстока боротьба на знищення призвела у кінцевому результаті до загибелі як народу, так і Самсона. У всьому цьому відчутним є образне відображення думки Одена *We must love one another or die*.

І Оден, і С. Моем, і Д. Томас співзвучні у розумінні того, про що попереджають людей, – будь-яке протистояння у ворожнечі на будь-якій підставі – війни, расовій, національній, політичній, культурній тощо нетерпимості – це шлях до «згасання свого зодіаку», до самознищення.

Ключові слова: Оден, Моем, Томас, поезія, тема війни, людяність, самознищення.

В фокусе исследования – феномен совпадения провидческих размышлений о последствиях войн, человеконенавистничества в творчестве различных писателей XX в.

Одно из лидерских суждений было высказано в поэтических строках англо-американского поэта У.Х. Одена (1907–1973), в его знаменитом стихотворении «1 сентября 1939» (September, 1, 1939, напечатано в американском журнале *The New Republic* в октябре 1939). Стихотворение было написано под влиянием событий этого первого дня второй Мировой войны, а на самом деле, – по поводу любого Апокалипсиса, который грозит человечеству.

Современный автор статьи об этом стихотворении Одена Йен Сенса (Jan Sansom) определит его как «один из самых значимых произведений XX века», чья долгая жизнь объясняется тем, что в нем предоставлены «простые ответы на трудные вопросы, не всегда приятные». Называя свою статью «Подходящая поэма для неподходящего времени» (The right poem for the wrong time), ее автор вполне справедливо подчеркивает актуальность мнений Одена и сегодня. Это было со всей очевидностью продемонстрировано в сентябре 2001 г., когда после террористического акта в Нью-Йорке оденовские строки звучали по национальному радио США.

Глобальность последствий первого дня предвидят вслед за Оденом не так уж и много людей. А голоса и тех, кто это осознавал, еще не различаются среди многих других. Таким был голос С. Моэма, который оказался в первые дни войны во Франции. С. Моэм разделяет патриотизм страны, подвергшейся вероломному нападению врага. Писатель оказался, как справедливо отмечает один из современных авторов статьи о С. Моэме, «не сторонним наблюдателем национальной трагедии». Но будучи, как известно из биографии писателя, в какой-то мере и «гражданином мира», он, рефлексируя над сущностью того, что происходит вокруг, открывал другие стороны этой сущности, часто доходя до аналогичных оденовским провидческих выводов.

В истории, о которой идет речь в рассказе «Непокоренная» (The Unconquered, 1943), С. Моэм, наблюдая позорные картины падения Франции, заново осмысливает пафосные лозунги первых дней войны о стойкости французов перед врагом и об их неизбежной победе. Созданный в рассказе образ французской девушки Аннет – своеобразной Жанны Д'Арк или **Свободы на баррикадах** – вызывает смешанные чувства: и уважение к ее непокорности врагу, немецкому солдату, который изнасиловал ее, и ужас от поступка – убийства новорожденного ребенка от немца – который является противоестественным для человека, женщины, прежде всего. В обоих – в Ганси, и в Аннет – война инициировала ту ненависть, которая при отсутствии любви приводит к уничтожению другого и, в конце концов, к самоуничтожению. Моэм, как кажется, подхватывает оденовское *We must love one another or die*. Это мнение следует из подтекста изображаемых событий в борьбе человеконенавистничества с человечностью, которую переживают все.

В созвучие подтекста повествования С. Моэма и оденовских строк вливается еще одно произведение – поэма Дилана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Слияние молитв» (The Conversation of Prayers) из сборника «На пороге смерти» (Deaths and Entrances, 1946), само название которого отсылает к онтологической проблеме «Непокоренной» и других произведений С. Моэма военных времен.

Ключевая библейская аллюзия в стихотворениях Д. Томаса – это аллюзия на историю Самсона, который полюбил филистимлянку, но находится в жестокой борьбе с ее народом. Эта жестокая борьба на уничтожение привела в конечном итоге к гибели как народа, так и Самсона. Во всем этом ощутимым является образное отражение мысли Одена *We must love one another or die*.

И Оден, и С. Моэм, и Д. Томас созвучны в понимании того, о чем предупреждают людей, – любое противостояние во вражде на любом основании – войны, расовой, национальной, политической, культурной и тому подобное нетерпимости – это путь к «угасанию своего зодиака», к самоуничтожению.

Ключевые слова: Оден, Моэм, Томас, поэзия, тема войны, человечность, самоуничтожение.

И известный французский филолог, публицист, профессор университета Париж VIII Пьер Байяр в одной из своих последних книг «“Титаник” утонет» (*Le Titanic Fera Naufrage*, 2016) призывает внимательно прислушиваться к тому, что литературные тексты говорят о будущем, «дабы с их помощью мы могли повлиять на него и даже спасти жизни» [1, с. 15]. Но, увы, мало кто прислушивался и прислушивается к провидческим мыслям и сюжетам писателей. И поэтому, Байяр абсолютно прав в своем главном выводе о том, как все-таки «плохо усваиваются уроки из литературных произведений» [1, с. 13], которые имеют непосредственную проекцию на нашу реальность.

Одно из пророческих суждений было высказано в поэтических строках англо-американского поэта Уистена Хью Одена (1907–1973), в его знаменитом стихотворении «1 сентября 1939» (September, 1, 1939, опубликовано в американском журнале *The New Republic* в октябре 1939). Стихотворение было написано под впечатлением от этого первого дня на-

чавшейся II Мировой войны, а по сути – по поводу любого Апокалипсиса, угрожающего человеку и человечеству. Накануне Войны предчувствия надвигающейся катастрофы одолевали многих, Одена в том числе. Весной 1939 г. поэт видел наплывы эмигрантов в США, в основном, евреев, которые бежали из Европы от погромов. И по этому поводу Оден напишет стихотворение «Блюз для беженцев» (*Refugee Blues*) – печальный монолог одного из эмигрантов¹:

«Гром прокатился по небу старинным проклятьем.
Гитлер восстал над Европой и крикнул: «Пора помирать им!»
«Им», дорогая, в устах его значило – нам, это значило – нам» [12, с. 146–156].

И, тем не менее, вера в невозможность Катастрофы пока еще была сильнее ее предчувствия.

Современный автор статьи о стихотворении Одена «1 сентября 1939 г.» Йен Сенсам (Jan Sansom) [25] назовет это стихотворение – «одним из величайших произведений 20 столетия», чья долгая жизнь объясняется тем, что в нем «даны простые ответы на трудные вопросы, не всегда приятные» (*simple answers to difficult questions which not necessarily a good thing*). Называя свою статью «Подходящая поэма для неподходящего времени» (*The right poem for the wrong time*), ее автор совершенно справедливо подчеркивает актуальность мыслей Одена и сегодня. Что и было продемонстрировано в сентябре 2001 г., когда после террористического акта в Нью-Йорке оденовские строки зазвучали по национальному радио США. Эта же мысль звучит в статье Стефана Барта «Перечитывая “1 сентября 1939 г.”, или Поэзия, политика и идея общества (У.Х. Оден)» (“September 1, 1939” revisited: Or, poetry, politics, and the idea of the public (W.H. Auden)) [20].

Вслушаемся в некоторые суждения поэта, которые, думаю, отзовутся в сердцах людей уже другого века:

...Those to whom evil is done
Do evil in return...

...There is no such thing
As the State
And no one exists alone... [18]

(Тем, кому сделали зло,
Ответят злом...

...Нет такого понятия «Страна».
И никто не существует сам по себе...)²

И, наконец, ключевые слова, по мнению большинства исследователей:

We must love one another or die
(Мы должны любить друг друга, иначе умрем).

К такому суждению Оден будет нередко возвращаться на разных этапах истории, которую переживает, уверяясь или разуверяясь в том выводе, к которому приходит 1 сентября 1939 г., все больше сомневаясь в самой возможности любви и терпимости к «другому». Переосмысливая чуть позже суждения, высказанные в этом произведении, поэт ска-

¹ Подробный анализ стихотворения У.Х. Одена «Блюз для беженцев» представлен в статьях У. Оденса и У. Танга «Moral Affects through “Wind” and “Bone”. Reading W.H. Auden’s “Refugee Blues” [19] и К. Хосвички «The Holocaust in British literature: From W.H. Auden’s “Refugee Blues” (1939) to David Edgar’s “Albert Speer” (2000)» [22].

² Перевод, где не обозначено специально, – мой. Т. П.

жет: «Все это проклятое вранье. Мы в любом случае должны умереть» (*That's a damned lie. We must die anyway*). А в следующем издании стихотворения исправит концовку – *We must love one another and die* («Мы должны любить друг друга и умереть»). Но и это не понравилось. В конечном итоге он даже пожелал все убрать, т. к. теперь, на его взгляд, «вся поэма заражена неизлечимым враньем» (*The whole poem, I realized, was infected with an incurable dishonesty*) [26, p. 168].

И. Бродский, для кого Оден был одним из любимых поэтов, и чье произведение вдохновило русского изгнанника из страны написать свой вариант на ту же тему («1 сентября 1939», 1967), так скажет по поводу поэмы американского собрата по перу: «То, с чем он (Оден – Т.П.) нас оставил, равносильно Евангелию, названному и наполненному любовью» [3]. Но, все же, финальные, ключевые строки оденовской поэмы остаются и до сегодняшнего дня «не услышанным пророчеством первого дня войны» [7]. Вывод И. Бродского: «Любить друг друга у людей не получилось – дальше последовало то, что он (Оден) предсказывал – истребление» [3].

Событие первого дня Войны – истребление немецкими танками польских улан – ошеломило всех, кто понял, что Война – реальна. Трагическая картина этого события – в подтексте поэмы Одена, в которой поэт поднимается до вершин философского осмысления природы и последствий зла, ненависти, нелюбви. Конкретика – лишь в деталях, позволяющих уловить глобальность переживаний поэта. Здесь есть упоминание города Линца, в котором прошло счастливое детство и юность Гитлера, недалеко от которого уже в 1938 г. появится лагерь смерти Маутхаузен:

Find what occurred at Linz.
What huge imago made
A psychopathic god...
(Узнайте же, что произошло у Линца,
Что за величественный образ
Превратился в психопатическое божество...).

Для поэта важно понять, что происходит с человеком, какая трансформация от любви к окружающему миру, родителям, их могилам до Маутхаузена? От любви до ненависти к ближнему и от ненависти к любви. Лишь одна строчка – аллюзия на историю взаимоотношений Нижинского и Дягилева – подводит к важному выводу о необходимости не универсальной любви к человечеству, а любви, какой бы причудливой она ни была, к конкретному человеку. Именно ее, осязаемую любовь к себе, во всех возможных ее проявлениях желает каждый:

What mad Nijinsky wrote
About Diaghilev
Is true of the normal heart;
For the error bred in the bone
Of each woman and each man
Craves, what it cannot have,
Not universal love
But to be loved alone.
(Что сумасшедший Нижинский написал
О Дягилеве³
Есть правда нормального сердца;
Ошибка, возвращенная в сознании

³ Речь идет о «Дневниках» Вацлава Нижинского, который он пишет в 1918–1919 гг., находясь на грани тяжелого умственного расстройства. По словам Изабель Нанти и Джамии Сало, постановщиц спектакля «Дневник Вацлава Нижинского» в театре «Компании Шан Либе» в Париже, «его дневник – не бред сумасшедшего. Это последний зов человека на пороге ухода в самые недоступные глубины своего существования. Это выворачивание души наизнанку дает возможность услышать самую отчаянную мольбу о любви» [2].

Каждой женщины и каждого мужчины
В том, что они жаждут неосуществимого –
Не универсальной любви,
А любви к самим себе)

Оден вспоминает и изгнанника Фукидида (5–4 вв. до н. э.), написавшего 8-томную историю Пелопоннесской войны, в которой анализирует поводы, причины войн:

Exiled Thucydides knew
All that a speech can say
About Democracy,
And what dictators do...
(Изгнанник Фукидид знал
Все, что можно выразить в речах
О Демократии
И о том, что делают диктаторы...)

А главное, античный автор делает важный вывод об истории, в которой *«война – это движение, а мир – покой. Человечество мечется между двумя полюсами – варварским и греческим, цивилизованным»* [16]. Анализируя труд Фукидида, немецко-американский политический философ и культуролог Лео Штраус (1899–1973) обозначает главные его выводы, которые, скорее всего, и имеет в виду Оден. Они касаются проблемы выбора между разумным и безумным, умеренным и неумеренным политическим курсом, где *«умеренность есть нечто большее, чем дальновидный расчет, ... это «нравственная доброта», которую рождает мудрость»* [16, с. 13].

Стихотворение И. Бродского «1 сентября 1939», как и стихотворение Одена, тоже наполнено конкретными образами, но они напрямую соотносятся с событием, о котором идет речь. Пронзительные метафоры-символы заставляют содрогнуться и тоже подняться до размышлений и выводов о самой сути Апокалипсиса, начавшегося 1 сентября. В этот день, когда дети идут в школу,

*«... немцы открывали полосатый
шлагбаум поляков. И с гудением танки,
как ногтем – шоколадную фольгу,
разгладили улан»* [4].

«Разгладили» тех улан, которые оказались *«на первом месте в списке мертвецов»* и за которыми последуют миллионы и миллионы жертв.

Глобальность последствий первого дня войны провидят немногие. А голоса тех, кто это осознавал, еще не различимы среди многих других. Тех, кто не до конца проникся смыслом происходящего, символами начала истребления человека человеком:

*«...Снова на ветру
шумят березы и листва ложится,
как на оброненную конфедератку⁴,
на кровлю дома, где детей не слышно».*

Английский писатель Сомерсет Моэм оказался в первые дни войны во Франции. И если до апреля 1940 г., до падения французской республики и оккупации ее немцами он еще переполнен пафосом непобедимости родины Революций, ее быстрой победе над символом зла – таким пафосом проникнута книга *«Франция в огне» (France at War, 1940)*, то после апреля 1940 г. интонация писателя изменится. По словам автора биографической книги о С. Моэме А.Я. Ливерганта, *«наступило отрезвление»* [10, с. 55] и понимание другой прав-

⁴ Конфедератка – национальный польский головной убор с четырехугольным верхом.

ды войны, о которой пойдет речь в его рассказах на военную тему. Хотя и в них останется главное – вера Моэма в то, что «*французы – храбрый и гордый народ, который освободит родину от рабства*» [10, с. 55]. Еще некоторое время эти стереотипные для того времени пафосные изречения в большей мере будут характерны для публицистики писателя. Так, в эссе «Очень личное» (*Strictly personal*, 1941) он скажет: «*Если нация ценит нечто выше свободы, она потеряет свободу, а ирония состоит в том, что, если это нечто – комфорт или деньги, она лишится и их. Нация, сражающаяся за свободу, может отстоять ее, если обладает такими ценностями, как честность и мужество, верность предвидения и самопожертвования...*» [9]. Как видно, С. Моэм разделяет патриотизм страны, подвергшейся вероломному нападению врага. Писатель оказался, как справедливо замечает один из современных авторов статьи о С. Моэме, «не сторонним наблюдателем этой национальной трагедии» (*“Maugham is not mere observer in this national tragedy”*) [27]. Но будучи, как известно из биографии писателя, в какой-то мере и «гражданином мира», осведомленным в тайнах политических интриг, он, рефлексируя над сутью происходящего, открывал его другие стороны, приходя нередко к провидческим выводам. Покинув Лазурный берег и прибыв уже в октябре 1940 г. в США, С. Моэм выбросит на глаза своего американского книгоиздателя Нелсона Даблдея (Nelson Doubleday, 1889–1949) ампулу с ядом и скажет: «*Теперь в аде необходимости нет*» [10, с. 57–58]. Этот ад он увидел во Франции и впечатление об этом воплотит в одном из рассказов «Непокоренная» (*The Unconquered*, 1943). В истории, которую расскажет С. Моэм, наблюдая позорные картины падения Франции, заново осмыслит пафосные лозунги первых дней войны о несгибаемости французов перед врагом и об их неизбежной победе. Так, он напишет о том, что был «*шокирован тем, что услышал от молодых французских офицеров*», которые рассуждали о том, что «*... было бы неплохо, если бы Гитлер захватил Францию, обустроил ее и дал им возможность жить, так, как им хочется в мире и покое*» [9].

Идеи патриотизма и гуманизма столкнутся в сознании писателя, и так будет во многих его произведениях на тему войны. Достаточно вспомнить роман «За час до рассвета (1942), экранизированный в 1944 г., правда, с прямолинейной пафосно-патриотической концовкой (главный герой романа, не готовый убивать человека, и отказавшийся поначалу воевать, в конце концов, проникается необходимостью борьбы), несвойственной для парадоксального и многовекторного мышления писателя. Как верно отмечает В. Скороденко, «*...парадоксальное сочетание вещей, казалось бы, несочетаемых, было в высшей степени свойственно Моэму, человеку и писателю*» [14, с. 5]. На эту же особенность эстетики творчества Моэма указывают в своих работах Ден Адамс [17] и Ли Чанг [28].

В фокусе рассказа, о котором пойдет речь, – история французской девушки Аннет, которая не покорилась немецкому солдату, изнасиловавшему ее в момент опьянения – и буквального, и фигурального – от легкости победы Германии над Францией, а по сути, ее капитуляции. Известно, что кроме капитуляции на Восточном фронте французские добровольцы воевали в составе Вермахта, но под другим флагом. С осени 1941 г. они принимали участие в боях на Московском направлении. Таким образом, «*одна из крупнейших европейских держав с десятком колоний, армией более, чем 2 млн. человек продержалась лишь 40 дней. Более миллиона военных попали в плен, 84 тысячи – погибших*» [13]. Сам Моэм опишет настроения во Франции этих дней – и собственное разочарование во французах, в которых он верил (*I believed in the French Army*), и их недовольство поляками, которые «*не оказали должного сопротивления немцам*» (*They were angry with the Poles because they were not putting up a greater resistance...*) [23, с. 84].

Варварское/нецивилизованное (по Фукидиду), вырвавшееся наружу у немецкого солдата Ганса (рассказ начинается с картины избияния им отца Аннет и криков изнасилованной девушки), отмечено даже его напарником Вилли: «*Так нехорошо*» (*It's not good*) [24], – упрекает он товарища по оружию. Но у Ганса пока психология победителя, которой он объясняет все: «*Где армия Франции? Победители получают все, что хотят*» (*Where was the French army? The conquerors took what they wanted*). А дальше – пассажи, в которых узнаваемы самые страшные высказывания гитлеровских вождей: «*Французы – это деградирующая нация. Они ничего не сделали, чтобы немцам жилось с ними хорошо. Мы сделаем Францию достойным государством. Мы научим вас порядку и труду... покорности и дис-*

циpline» (*"We are going to to put order into it. We are going to teach you to work/ You'll learn obedience and discipline"*). Со временем, осознавая грубость своих действий, Ганс не только проникается симпатией к семье Аннет, но, узнав о беременности девушки, желает на ней жениться и остаться на ферме во Франции. Пробуждение, а скорее возврат от варварского к цивилизованному, человеческому во многом определен у Ганса видимостью мирной ситуацией во Франции, отсутствием явного военного сопротивления французов, которое создает иллюзию благополучия. Но видимое не есть реальное. Акцентируя очевидный контраст между образом Ганса и его поведением в начале истории и в ее последующих частях, С. Моэм как бы играет и нашей оценкой происходящего, в какой-то момент заставляя, как и родителей Аннет, проникнуться симпатией к немецкому солдату, воспринимая его через призму человеческого. Но восприятие его только как врага не покидает Аннет. Насилие и унижение, которые не ощутили в достаточной мере ее соотечественники, отдавшие без боя родину врагу, испытала в полной мере она, прежде всего, как униженная и оскверненная женщина. Ее сопротивление врагу – внутреннее, психологическое – не затихает и со всей мощью обрушивается на него, когда, родив нежеланного младенца, она убивает его, утопив в ручье. Поступок девушки – не только вызов врагу, но и соотечественникам в лице собственных родителей, убаюкивающих себя иллюзией благополучия. Теперь, спустя время, они уговаривают Аннет быть снисходительной к «неприятному инциденту» (*unpleasant incident*), то бишь – к изнасилованию, ведь «так бывало и будет с женщинами» (*it happened to a woman and it won't be the last time*). Во всем этом – явно ироничное отношение самого автора ко всему тому, что произошло с Францией, поддавшейся естественному (природному, т. е. варварскому), а не гуманистически-патриотическому, инстинкту выживания любой ценой. Сохраняя иллюзию свободы, – по Моэму, комфорта и денег – люди на самом деле утрачивают ее. Поступок Аннет (опять же по-Моэму) – это проявление мужества и отваги (*courage*), которыми и достигается подлинная свобода. Как скажет Аннет: «Я должна была это сделать сразу же. Я боялась, что если буду оттягивать решение, то мне просто не хватит отваги на это» (*I had to do it at once. I was afraid if I waited I shouldn't have the courage*).

Враг повергнут, побежден, унижен и «с криком смертельно раненого животного, закрыв лицо руками, потрясенный, как пьяный, спотыкаясь, вышел из двери» (*Hans gave a great cry, the cry of an animal wounded to death; he covered his face with his hands, and staggering like a drunken man flung out of the door*). В этой сцене С. Моэм как бы возвращает своего читателя к началу истории, к образу пьяного, но теперь уже по-другому, Ганса. Аннет отмщена, но какой ценой!

Еще недавно исследователи творчества С. Моэма подчеркивали в героине этого рассказа «гармонию мысли и действия». По мнению, скажем, А.А. Бурцева, Аннет совершает «глубоко осознанный и выстраданный акт, ... обусловленный отказом примириться с унижением родины, признать поражение и приспособиться к обстоятельствам. Она – символ несгибаемости духа целого народа» [5, с. 80–86]. Навряд ли кто-то будет оспаривать это суждение. Оно выводится из самого сюжета, как бы естественно подталкивающего к такому выводу. Все правильно в нем и не только с точки зрения логики советского человека и советского литературоведа. Если бы... если бы речь не шла о творчестве С. Моэма, писателя, который всегда парадоксальным образом придерживался своих суждений и акцентировал иной взгляд на проблему; который за очевидным и понятным нередко видел некую «иную правду», скрытую за «узорным покровом». Так, как помним, назывался один из его романов (*The Painted Veil*, 1925), в котором история героев была историей приподнимания «завесы», скрывавшей иную сторону «правды» о каждом из них.

С. Моэма всегда заботила проблема двойственности человеческой природы, загадка самой сути человека, нередко находящегося на пороге смерти. Об этом он сам написал в труде «Подводя итоги» (*Summing up*, 1938): «Люди для меня – загадка... Я не вижу особой разницы между людьми. Все они – смесь из великого и мелкого, из добродетелей и пороков, из благородства и низости... [11, с. 35–37]. Вот почему созданный в рассказе образ своеобразной Жанны Д'Арк или Свободы на баррикадах вызывает смесь чувств – и уважение к ее непокорности врагу, и ужас от того поступка, который противоестественен человеку, женщине, прежде всего. В обоих – в Гансе, и в Аннет – война инициировала ту нена-

висть, которая в отсутствии любви приводит и к уничтожению другого, и, в итоге, к самоуничтожению. Моэм, как кажется, подхватывает оденовское *We must love one another or die*. Эта мысль просвечивается в подтексте изображаемых событий и образов, в борьбе чело-веконенавистничества и человеческого, которую переживают здесь все. Сам писатель при-стально следит за этой борьбой, не упуская нюансов, пытаясь понять то, что может быть, и сам еще до конца не осознает. Но, думается, не осуждая, не вынося однозначный приго-вор, поскольку откровенно признавался в том, что «самому непонятно, как у людей хва-тает духу осуждать других, когда им стоит оглянуться на собственные мысли...» [11].

В созвучие подтекста рассказа С. Моэма и оденовских строк вливается еще одно произве-дение – поэма Дилана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Слияние молитв» (*The Conversation of Prayers*) из сборника «На пороге смерти» (*Deaths and Entrances*, 1946), само название кото-рого отсылает к онтологической проблеме «Непокоренной» и других произведений С. Моэма этих военных лет⁵. Хотя, безусловно, важной оказывается и отмеченная исследователями [21] аллюзия на Джона Донна, его последнюю проповедь на пороге смерти (1623 г.), в которой про-звучали знаковые слова: «Смерть каждого человека умяет и меня, ибо я один со всем чело-вечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» [8].

В стихотворении Д. Томаса в переводе В. Бетаки речь идет о двух молитвах о любви и жизни на пороге смерти, которые сливаются, чтобы усилить мощь воззвания к Богу. Одна молитва исходит

«Из уст ребенка, идущего спать...»,
другая – из уст мужчины,
«По лестнице поднимающегося
к умирающей любимой...
Да, это мечущий молнии враг,

Это сразу и ты, и он,
И с неизбежностью, сам, как Самсон,
Угасишь свой зодиак!» [15].

Библейская аллюзия на историю Самсона, возлюбившего филистимлянку, но пребы-вавшего в жестокой борьбе с ее народом, что привело в конечном итоге к гибели и народа, и Самсона – образное отражение все той же мысли Одена *We must love one another or die*.

Любое противостояние людей во вражде на любой почве – будь то война, расовая, национальная, политическая, культурная и пр. нетерпимость – это путь к «угасанию своего зодиака», к самоуничтожению. Не случайно античный исследователь войн Фукидид, поды-тоживая свои наблюдения, призывал к человечности и мудрости, «...Действия мудрости нельзя увидеть так, как можно увидеть действия военные и политические. Мудрость не высказать. Ее можно лишь вершить» [16, с. 19]. И уже наш современник, на осно-ве своего опыта продолжит мысль Фукидида: «...ни одна идеологическая система полно-стью не укладывается в границах нравственности...Хочешь делать добро обществу – борись с бесами в себе самом, их там достаточно. А всякая попытка исправлять зло в целом, спасать мир глобально мне кажется бессмысленной» [6, с. 275].

И все же, такая прозрачная и понятная мысль Уистена Одена –

We must love one another or die
(Мы должны любить друг друга, иначе умрем).

на самом деле все еще остается непостижимой человеком и человечеством, пребыва-ющим уже которое тысячелетие в войнах, неприятии и нетерпимости к другому.

Пророчество Одена, изреченное им в первый день Второй мировой войны, увы, оста-ется не услышанным, а значит, актуальным и сегодня!

⁵ Здесь стоит вспомнить роман «Лезвие бритвы» (*The Razor's Edge*, 1944), название которого взято из ведического текста «Катха-Упанишада» о трудности пути по острiu бритвы, что аналогич-но пути к Спасению.

Список использованной литературы

1. Байяр П. «Титаник» утонет / П. Байяр ; пер. с фр. Елены Морозовой. – М.: Текст, 2017. – 192 с.
2. Брез М. Дневник Вацлава Нижинского / М. Брез [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chekhovfest.ru/festival/projects/performances/dnevnik-vatslava-nizhinskogo/> (Последнее обращение 02.04.2020).
3. Бродский И. Об Одене / И. Бродский / Пер. Е. Касаткиной. – СПб.: Азбука-классика, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brodsky.online/post/velichayshiy-um-khkh-veka-brodskiy-ob-uistene-odene/> (последнее обращение 02.04.2020).
4. Бродский И. 1 сентября 1939 г. / И. Бродский // Стихи о любви и стихи про любовь. Любовная лирика русских поэтов. Антология русской поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.rus.ru/1/br/i.htm> (последнее обращение 02.04.2020).
5. Бурцев А.А. Проблема характера в рассказах С. Моэма / А.А. Бурцев // Филологические науки. – 1991. – № 3. – С. 80–86.
6. Водолазкин Е. Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью / Е. Водолазкин. – М.: АСТ, 2020. – 409 с.
7. Волков С. Печаль, сдерживаемая размером / С. Волков // Литература. – 2009. – № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901704 (последнее обращение 02.04.2020).
8. Душенко К. Джон Донн, английский поэт, проповедник, духовный мыслитель / К. Душенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: books.google.com.ua/books?id=hnnHDwAAQBAJ@pg (Последнее обращение 02.04.2020).
9. Ионкис Г.Э. Уильям Сомерсет Моэм. Грани дарования / Г.Э. Ионкис // Моэм С. Подводя итоги. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://19-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/moem-podvodya-itogi/index.htm> (последнее обращение 02.04.2020).
10. Ливергант А.Я. Сомерсет Моэм. Глава 17. На войне как на войне / А.Я. Ливергант. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 284 с.
11. Моэм С. Подводя итоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://loveread.es/read_book.php?ID=22133 (последнее обращение 02.04.2020).
12. Оден У.Х. Блюз для беженцев / У.Х. Оден ; пер. с англ. Виктора Топорова // Иностранная литература. – 1989. – № 12. – С. 146–156.
13. Полонский И. Они тоже победители? О вкладе Франции во Вторую мировую войну / И. Полонский // Военное обозрение. – 2019. – 20 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/161446-oni-tozhe-pobedili-o-vklade-francii-vo-vtoruju-mirovuju-voynu.html> (последнее обращение 02.04.2020).
14. Скороденко В. Предисловие / В. Скороденко // Моэм У.С. Избранное. – М.: Радуга, 2001. – 204 с.
15. Томас Д. Собрание стихотворений 1934–1954 гг. / Д. Томас ; пер. В. Бетаки. Послесловие и комментарий Е. Кассел. – Б.м.: Salamandra. D.V.V., 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/thomas_sobranie_stikhotvoreni_1934-1953_2010.pdf (последнее обращение 02.04.2020).
16. Штраус Л. Фукидид: сущность политической истории / Л. Штраус // Электронный философский журнал. – 2016. – Вып. 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyderleninka.ru/article/n/fukidid-suschnost-politichesoy-istorii/viewer> (Последнее обращение 02.04.2020).
17. Adams D. Somerset Maugham's Ethically Earnest Fiction / D. Adams // Cambridge Quarterly. – 2016. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 42–67. DOI: 10.1093/camqtly/bfv039.
18. Auden W.H. September, 1, 1939 / W.H. Auden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poets.org/poem/September-1-1939> (последнее обращение 02.04.2020).
19. Audens W.H., Tang Y. Moral Affects through “Wind” and “Bone”. Reading W.H. Auden's “Refugee Blues” / W.H. Audens, Y. Tang // Style. – 2017. – Vol. 51. – Issue 4. – P. 442–455. DOI: 10.1353/sty.2017.0035.
20. Burt S. “September 1, 1939” revisited: Or, poetry, politics, and the idea of the public (W.H. Auden) / S. Burt // American Literary History. – 2003. – Vol. 15. – Issue 3. – P. 533–559. DOI: 10.1093/ALH/AJG035.

21. Daniggelis, P.D. Deaths and entrances / P.D. Daniggelis // *Bronte Studies*. – 2007. – Vol. 32. – Part 2. – P. 138–144. DOI: 10.1179/147489307X182899.

22. Houswitschka C. The Holocaust in British literature: From W.H. Auden’s “Refugee Blues” (1939) to David Edgar’s “Albert Speer” (2000) / C. Houswitschka // *Archiv fur das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen*. – 2003. – Vol. 240. – Issue 2. – P. 272–287.

23. Maugham S. *Stricklty Personal* / S. Maugham. – London and Toronto: William Heinemann Ltd., 1942. – 208 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.&rg/details/in.ernet.dli.2015.528066/mode/2up> (последнее обращение 02.04.2020).

24. Maugham S. *The Unconquered* / S. Maugham // *Sixty Five Short Stories* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inbooks.in/mirror1/page_id=284284 (последнее обращение 02.04.2020).

25. Sansom I. The right poem for the wrong time: W.H. Auden’s September, 1, 1939 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://the-guardian.com/book/2019/aug/31/wh-auden-september-1-1939-роет> (последнее обращение 02.04.2020).

26. Wasley A. *The Age of Auden: Postwar Poetry and the American Scene* / A. Wasley. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 247 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/book?id=A63jXDQVMEU&pg> (последнее обращение 02.04.2020).

27. Worstold D. Preface / D. Worstold // *Maugham S. Stricklty Personal* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goodreads.com/book/show/297993.strictly_personal (последнее обращение 02.04.2020).

28. Zhang L., Shi X. A Comparative Study on View of Women of William Somerset Maugham and William Faulkner / L. Zhang, X. Shi // 2015 4th International Conference on Social Sciences and Society (ICSSS 2015), Pt 1. – 2015. – Vol. 70. – P. 416–420.